

Василь Абзи

Быль да небыль

Носок и чулок — не пара

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Иллюстрация на обложке принадлежит издательскому дому ВЕКТОР-Т. Товарные знаки также принадлежат издательскому дому ВЕКТОР-Т.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены, или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами, или событиями случайны".

Подобное юридическое обобщение, в книгах этого автора, позволите считать неуместным. Все герои этих произведений, — люди реальные и настоящие, как и реальны сами события с ними произошедшие. Вымышлены только имена и место действия, а характеры преобразованы, согласно их поступкам.

Чья-то личная жизнь, рассказанная публично или случайному попутчику, она уже не может оставаться достоянием личного. А иначе зачем рассказывать, ведь в зашторенное окно никто не

подглядывал”. Потому и судебные тяжбы
позвольте считать не логичными.

Носок и чулок — не пара

ЖАЛЕЮЩИЙ СЕБЯ

Двойственность. Двойственность личности и поведения. Двойственность эмоций и диалогов.

Двойственность повсюду и повсеместно. Одним словом, двуличие. А, собственной шкурой” почувствовавший всю сущность этого слова, Евгений не испытывал ни малейшего желания чему-то радоваться.

„Дело сделано. Назад дороги нет”, - говорил он сам себе, как чего-то достигший.

И здесь же, осознающий это, он сам себе становился противен. Противен, потому что не, шкура, а шкурка” уже начинала не выдерживать всего осознающего им.

Для него сейчас лучше было бы, если бы он смог вернуть всё назад. Чтоб палочкой махнул кто-нибудь, и он пошёл бы по другому пути. Сорок дней назад и по другому пути, или точнее, вернуться в сорок первый день, отсчитав от настоящего времени. Вот только очевидным было, и сразу же, былого здесь не вернёшь, а настоящее и будущее, каким он его представлял, на самом деле

оказалось далеко другим. Не безоблачным, — это точно. Этой безоблачностью и близко не пахло.

Нервы были на пределе. Сон куда-то исчез и всё больше вздрагивалось, скуривалось сигарет, чего он раньше никогда не делал. Здоровье было дороже, тем более, что он любил себя.

Мысли бежали одна за другой и всё над чем-то думали. И что самым противным было в этих размышлениях, так это неизвестность. Было, как гадай не гадай. Думай не думай. Слепо стой на своём. А чужие мысли в чужих головах, они слишком скрытные. Где скрытность, там неизвестность. И именно она, эта неизвестность, бесила и пугала его. Оттого и накладывалось одно на другое: „Двойственность и неизвестность. Две противные сестры”. И дай ему сейчас возможность, он убил бы их обоих. Убил бы, если б смог. А смог бы, если б смог вернуться в ещё не случившееся.

И в какие-то моменты, он откровенно сожалел: „Лучше б он этого ни делал”. Потому что его двойственность кричала ему, что он может не справиться с ложью. Не сможет доиграть до конца. А неизвестность пугала, что не стоит врать, ведь всё для всех очевидно. В нелепость и случайность верить никто не хочет. Ему уже никто не сочувствует, никто не звонит и не тревожит его. И ещё его не позвали на поминки. А ведь сегодня сорок дней. Как будто бы зловещих сорок. И едва

подумав об этом ещё раз, он не смог удержать себя.

„У них свои поминки, а у меня свои”, - и эту фразу он говорил сегодня уже не в первый раз.

А звучало это обиженно серьёзно, или это был своеобразный внутренний сарказм, он тоже определить не смог бы. Ему и жалелось об содеянном, и утверждающе успокаивалось, что так и надо. Ему и третье забредало в голову, и четвёртое, а едва он начинал запутываться в этих перепутьях, его мозг не выдерживал напряжения. Отчего, он соскакивал с дивана, подходил к небольшому стеклянному столику, хватал бутылку водки, уже вторую начиная с полудня, с резкостью и решительностью наполнял рюмку и также смело выпивал налитое. Душе хотелось забвения, а мозг был настолько напряжён, что выпитое им, никак не могло подействовать.

Выпив и не сморщившись, он прикурил сигарету. Хотелось переключиться, подумать об чём-нибудь другом, но засевшая в извилинах паршивость его не отпускала.

Он окинул взглядом вещи и стены квартиры. Здесь всё, фактически и практически, принадлежало ей. Её не было, а вещи остались. Она к ним больше не придёт. А ведь были в его жизни моменты, когда также, находясь в квартире, и один, он ждал её. Ждал, чтоб не быть одному. Сейчас же, он сделал так, чтоб она никогда не пришла, не

вернулась. Но то, что будет так тоскливо, и всякое начнёт мерещиться, он об этом не думал. Потому что уверен был, что будет всё по другому. И будет самое главное, — его безумная безумная любовь. Любовь, к с ума сводящей девчонке. Вот только он не ожидал, что вместо жаждуемой любви к нему придёт презрение. Его же, как вещь не нужную, просто взяли и бросили.

А снова наткнувшись на эту мысль, он ещё раз наполнил рюмку: „Убил бы гадину такую, так подло поступившую с ним”.

Но обуреваемый этим желанием, он тут же наткнулся на другое. Отчего и злила эта двойственность: „Он и убить её готов, и стоять перед ней на коленях”.

Пустота. Это ещё одно слово, что в эти дни познакомилось с ним. Ни одиночество, ни скука без общения, а именно пустота, что давит и гнетёт своим нежеланием жить. А ведь ещё сорок дней назад, его жизнь бурлила и шумела. Он молодой, он интересный, ему всего лишь тридцать четыре, и он директор ресторана. И пусть он влился в этот бизнес благодаря жене, он этой благодарности ни за что не признал бы.

„Ещё не хватало. Наоборот, пусть радуются. Он большего достоин, он сам добьётся многого. И он вовсе не собирается лебезить перед его назначившим. Да! Брат жены. Но не целовать же

ему руки, за то, что он такой крутой и оборотистый. И жена пусть тоже радуется, что ей достался такой красавец. А потому и дочку ему родила, что состариться с ним хотела. Женщина старше него на четырнадцать лет. Женщина дважды побывавшая замужем, и отхватившая в итоге мужчину ни разу не женатого. И зря они с ним так. Как с лимитом”.

И дело было сделано. Назад, действительно, ничего не вернёшь. Жена убита под видом случайной нелепости. Убита из-за любви к другой. Сам, один, он может ещё терпел бы и делал бы вид, что всё его устраивает. Но слишком уж яркой вспышкой пришла к нему, казалось-бы, последняя любовь. И именно сейчас, когда его девчонка бросила его, терялся всякий смысл сделанного. А ведь она сама хотела, чтоб они были вместе. Хотела, но ушла в неизвестном направлении.

Меж тем, за окнами квартиры, заметно сгустились краски вечера. Голубая сочность неба сменилась на темновато-синий. Дневные летние облака, в своих плывущих формах, тоже добавили к своим очертаниям оттенки синего и серого. А солнце, что светило весь день, куда-то просто спряталось. Собравшиеся на горизонте облака заслонили его собою.

Ни дать, ни взять: вечер пейзаж и вечер с самим собою. И ощутив это с новой силой, он не выдержал. Ещё резче и больнее захотелось видеть,

или слышать её. А настроившийся добиться своего, он вернулся к стеклянному столику, взял, молчащий мобильный” и, включив дисплей, сразу увидел желанное имя: Зарина.

Пошли гудки. В воспоминании-воображении всплыла её щекотящая душу улыбка. За ней уловилось её прильнувшее дыхание, и он даже смог почувствовать, как вновь обнимает её.

И он мчался бы куда угодно, навстречу всем бедам и не бедам, любой каприз исполнил бы и испытания прошёл... но телефон тоскливо отвечал голосом оператора, что абонент отключён. Его реально и подло бросили, как будто ничего и не было. И нажав на красную, чтоб отключиться, он злобно наполнил рюмку: „Только она, красивая и хрустальная, не изменяет ему”. А эту, с именем Зарина, он убил бы ещё раз, или точнее, сделал бы так, чтоб она умоляюще просила его милостивого прощения. Чтоб на коленях его умоляла, а он был бы к ней непреклонен. Ведь такими вещами не шутят. Она же, как наваждение какое-то, взяла и мягко ворвалась к нему. Он не ухаживал за ней, ни терзал себя преодолением препятствий, ничего подобного и близко не было, потому что она обыкновенно и просто вошла в его мир... и очень даже легко отдалась ему.

„Делай со мной, что хочешь”, - шептала и признавалась она.

И кажется, что именно эта страстная лёгкость, без ширмы и стеснения, взяла и заглотила его.

Мысли-воспоминания, буйные и требующие, сердце ласкающие и щемящие, закрутились вокруг да около. Мысли сами непонимающие, чего они хотят: „Встать самому на колени, лишь-бы остаться любимым, или поставить на них свои любящие чувства”.

А дай-бы ему только шанс, вернуться в сорок первый день, от своего Христа Христова, и он-бы клялся перед всеми святыми, что он-бы этого не сделал. Кто же будет убивать не любимую жену(!?), ради другой, тебя бросившей женщины. И даже не брось она его, он этого всего не натворил бы. Бесы управляли им, со всем своим греховным списком. И пусть жена женою, их может-быть по разному много, или одна, но эта женщина, убитая им, была и матерью, их трёхгодовалой дочери. Дочери, которую у него забрали. Вид только сделали, что в другом месте и в другом доме, ей будет более спокойней. Легче будет скрыть, что мама умерла. И он может поверил бы в это, не смог бы не согласиться, если б не последующая за этим новость: „Директором ресторана будет назначен другой человек”.

А он убеждал себя: „Пусть!”. Дочку увезли: „Ладно”. Пусть растёт. Обитает в доме брата жены, ей там, действительно, будет лучше. Там у

них, с женою, растут свои дети и внуки. Дом у них хороший, денег в достатке, и, как разруливающий свой многогранный бизнес, в котором его рестораны не самое главное, Григорий Львович, конечно же, позаботится об своей племяннице, потому что, отношений не скрывая, любил свою единственную и младшую сестру. И то, что как президент, всей его компании, он отстранил его от должности директора, то это тоже сопровождалось фразой, пусть''. Он с голоду не сдохнет. Он всё скосил бы под словом, пусть'', но только не потерю пришедшей к нему любви. Он ушёл бы с нею от всех. Он со временем, так и хотел, но его спокойно и твёрдо бросили. Она ж, как змея, заползла в его душу, а он, как несмышлёныш, слепо пошёл на поводке своих эмоций.

Водка действовала, или нет, — оставалось непонятным. Но однозначно становилось ещё хуже! Было даже саркастически смешно, едва-ли никак у Чейза, где лучше-б он остался бедным. Выигрыша было ноль, а дело было сделано!

Вот только делать этого, действительно, не стоило. Здесь, как одно наталкивалось на другое. Или точнее, как у двух близнецов, что перестали дружить меж собою. Один остался бы с женой, ужаснувшись от всего, что натворил. А второй продолжал бы верить, что любовь к Зарине ещё не потеряна. Вот только верить этому никак не

получалось, а в сделанное уже смотрелось, как в самую большую нелепость:, Лучше-б он этого не делал''. Пусть нелюбовь, пусть обиды и оскорбления, но прав же оставался Чейз:, Лучше-б я остался бедным'', всего лишь выбрав другую дорожку.

А, если дочь ещё когда-нибудь узнает, что это он, её отец, был убийцей её матери... да только от одной этой мысли, уже пришедшей к нему, как фактор, он содрогнулся и испугался, а сердце вот-вот хотело разорваться. Он всё бы вернул назад, только бы не становиться убийцей. Ведь слишком тесно всё переплелось. Смешалась даже кровь. А он только сейчас, смог почувствовать это.

И снова водка показалась ему спасением. Сегодня сорок дней. Сегодня поминки, его убитой им жены. А он уже ничего не может исправить. Лучше б он остался бедным.

За окном заметно стемнело. Поздний вечер был темнее.

Его взгляд блуждающе прошёлся по стенам квартиры. Игра цветов и оттенков приобрела вечерние тона. С фотографии на стене, под стеклом и в рамке, на него смотрела уже ушедшая от него жена.

В ночи, на скамейке, в летнем сером платье, она, позируя, помахала фотографу рукой и довольная, улыбаясь, такую и запечатлела себя.

„Женщина с прогуливающимся настроением”,
- когда-то, и иногда останавливаясь перед
фотографией, улыбался он.

Теперь же было не до улыбок. Что-то и что-то
должно было произойти. Краски сгущались”, как
на небе за окном. И, словно проникшийся в этот
серый дождливый цвет, так тяжело нависший за
комнатным стеклом, он вдруг поражающе поймал
себя на мысли: „Его подвёл-сгубил тот внезапный
дождь. Тот дождь стал всему виною, ведь не было б
тогда дождя, то всё пошло бы по другому. Как сам
он рассчитал”.

Я ВЛЮБЛЁН...

Позавчера он увидел её в первый раз. Увидел
в банкетном зале, сервирующей к свадьбе столы.
Увидел и обомлел. Мимо такой красоты пройти
очень трудно.

Вчера, во второй день её работы, он начал её
охмурять. Он не скромничал, не суетился и, как
опытный ловелас, был в себе уверен. Ему всё-таки
исполнилось тридцать четыре, а этой новенькой
официантке, по его предположениям, было чуть
больше двадцати.

Вчера, он просто не удержался и, вызвав её к
себе в кабинет, начал, расспрос с пристрастием”,
меня местами служебное и личное. В служебных

моментах, он пообещал ей недалёкие перспективы и буквально засыпал её подходящими к этому комплиментами. Его ресторан, будто непрерывно искал именно такую женскую суть, подобно тому, как её давно уже ищут все косметологические компании мира. Он, нёс'е такое, что даже сам поверил этому. А в личном плане, он пожелал всего лишь проводить её после работы домой. И был приятно удивлён, когда она кокетливо спросила:

А зачем? — И продолжая кокетливо улыбаться, пока он искал в своём лёгком замешательстве ответ, она добавила. — Не надо говорить, я поняла. И я согласна. Меня Зариной зовут.

— Я знаю, я же прочитал уже на вашем бейджике. И могу сказать, что у вас необычное имя. За-ри-на, — освобождённый от вопроса в лоб, опять легко переключился он. И уже без неуместной официальности, шутящим голосом, добавил. — Евгений Викторович, когда мы на работе. И для тебя Женя, когда мы с тобой одни. Договорились!?

— Хорошо, Женя, — опять кокетливо улыбнулась она. — Я правильно к вам обратилась(?), ведь мы же одни.

И он, уже почувствовавший её приятно щекочущую игру, не смог не расцвести в улыбке:

— Да-а, ты абсолютно права... И невероятно красива. Заря ты наша.

Тогда она ещё раз улыбнулась, но уже блеснув по нему глазами. А затем, мило отведя их от него, уже вернулась к нему с серьёзным просящим взглядом:

— Можно я пойду, Евгений Викторович, а-то неудобно как-то.

— Да-да, конечно. Мы же не прощаемся. Я буду ждать тебя в машине, за шлагбаумом.

А уже поздним вечером, прежде позвонив жене, что он задерживается в ресторане, из-за навалившихся на него бумаг, он проводил, свою Зариночку" домой, или точнее, как он узнал по пути, до снимаемой ею комнаты. А перед тем, как выйти из машины, она неожиданно приятно чмокнула его:

— Спасибо, что подвезли, Евгений Викторович. До завтра. Я буду ждать вашего звонка.

И он хотел было удержать её, чтоб подержать в своих объятьях, но девчонка, словно играющая птичка, упорхнула-выпорхнула от него и, уже захлопнув дверцу, игриво помахала ему рукой. Она не обижается и рада.

А сегодня, она уже не давала ему покоя. Даже утренний сон отняла и первая мысль, его проснувшихся мозгов" была об ней. И ещё бы!!! Такая секс-девчонка устроилась на работу к нему в ресторан. В его ресторан.

Он директор. Да, он не владелец в единственном числе, но он назначен его директором. Только кто об этом знает!? Он же не будет докладывать каждой официантке, об своей учредительной роли, в этом ресторанном процессе. Пусть лучше все так и думают, что директор и владелец ресторана он. А значит, и творить может, что угодно. Не надо его сотрудникам давать лишний повод: искать других покровителей и жаловаться на него. Не надо! Хотя очень сильно ему мешала его жена. Но пусть! Она любит его, ей уже сорок восемь. Она дочку ему родила. А он красавец и хоть куда. И пусть он тоже приехал когда-то в Москву. Только он им здесь не гастэрбайтер, он добился чего хотел. И девчонка эта, что вышла на работу два дня назад, подсобно или побочно, будет рассматриваться им, как приложение к его ресторану. Он обольстит её(!), чёрт возьми. Так закатает по городу на своём BMW, что она завизжит от восторга. Ясно же стало вчера, что ни москвичка сама, приезжая. А значит, множество проблем имеет, но он станет её героем-благодетелем. Сам квартиру ей снимет и тоже начнёт, обкатывать', как сможет. За такую стоит походить реверансами. Не прогадаешь, когда она окажется в твоих объятиях. Сметанка деревенская. Жар в мужских трусах, ни просто женщина. Кожа приятно белая. Ни худая, ни

толстая и ноги не бессмысленно длинные. Губы пухленькие. Их рот граничит со словом, большой', а за спиной шикарная плетёная коса. Такие волосы разложишь на постели и будешь в них утопать. А грудь! Эта чёрт возьми, обалденно-шикарная грудь. Не вымя какое-то седьмого размера, что давно уже свисло от количества литров, и ещё никого не кормив. Нет. Эта грудь большая, но она упруго выпирает из под её голубенькой рубашки. Их форма официантки, — коротенькая синяя юбка и голубенькая рубашка — была ей даже к лицу, с её игриво искрящимися глазами. И как тут можно мимо пройти!? И всем начать твердить:

„Я не такой! Позвольте. Я немой и слепой. Да я женат в конце-концов. Извольте”.

И тогда кто-то другой займётся ею. А он уже начал ревновать её, к тому невидимому другому. И получается, что уже целых два дня, большой сумасшедший дом' поселился в его голове. С ним разговаривают, а он в другом пространстве. Ему говорят, поехали домой", а он желает остаться в ресторане и находит тому причины. Он и в зал вчера выходил раз десять, хотя в другие обычные дни, ему даже покушать приносили в его кабинет. А тут заёрзал и забегал, желая увидеть её, ещё раз и ещё раз. Даже вчера, её улыбка, чтоб никто не увидел, игриво подмигнувшая ему, сейчас не давала ему покоя. Уж слишком многое пообещала она. И

он должен что-то придумать, чтоб всех обвести вокруг пальца, а, если точнее, то больше его беспокоила, его далеко не глупая жена.

Нет. Она не стерва в их отношениях, она спокойная, рассудительная, решает сама все домашние вопросы, но она далеко не глупая и быстро может, всё отдельно лежащее, собрать в одну целую кучу. Он в этом один раз уже убедился, когда она чётко и логично вычислила, кто мог открыть его кабинетный сейф. После чего уверенно сказала охране, Фас!’ и от двух не тяжёлых ударов, их администратор испуганно сознался. Только он не администратор, он сделает всё чётко. И какой тут к чёрту сон(!?), когда уже такое закрутилось. Тут только думать и думать надо, чтоб комар-комарик носа не подточил.

„План Барбаросса’“, „Операция Валькирия’“, а может даже и что-то большее, чем все эти военные операции, теперь неутихаемо закрутились у него в голове. Он даже схему себе составил, как будет выглядеть это утро.

Оно, во-первых, должно быть таким же, как и в другие обычные дни: встал, спокойно принял душ, с дочуркой поигрался и ненавязчиво собрался на работу. И одно только будет не похожим на другие обычные дни: он, случайно забудет" дома свой смартфон. Он подсунет его дочурке, как её любимую забаву, и тем самым станет недоступен на

целый день и вечер. А иначе жена Лариса покоя не даст: „Где ты, да что ты!?!“. И подобное будет на все сто процентов. Уж за четыре года их совместной жизни, он изучил её характер полностью. Днём, до обеда, он будет доступен ей по рабочему телефону, а потом, он, исчезнет по делам’... и уже появится дома, как получится.

Ну, а во-вторых, с одной маленькой загвоздкой, он как-нибудь разберётся. Просто денег свободных, заначки обычной, у него сейчас нет. А значит, он не сможет вальяжно разложить купюры и разыграть из себя, чувачка не считающего деньги". Его Лариса, их, всё-таки контролировала. Только он ведь не гастэрбайтер, он всё-таки директор ресторана, а значит, и будет, отплясывать’⁴ от данного момента.

Зарину он вывезет куда-нибудь на природу, якобы сам тоже давно не расслаблялся. Ведь не могло быть и речи, что он снимет для своих предчувствуемых ощущений, номер в каком-нибудь отеле. Дешёвый двухместный номер не возьмёшь, — только опозоришься. А с люксом, вылетишь в трубу’⁴ и сам потом об этом пожалеешь. Да и в конце-концов, не воровать же деньги из сейфа, как это умудрился сделать их бывший администратор. Он лучше выберет природу. Её летние пейзажи, что будут и выглядеть романтичней и обойдутся дешевле: Всего лишь

бензин туда-сюда. А место подходящее, для их интимного развлечения, он уже знает. И вдобавок, хорошим продолжением ко всей этой затее, будет ещё одна, затрат не требующая, идея”. Все необходимые для застолья продукты, он возьмёт в ресторане. Он тихо, чтоб никто не слышал и не знал, попросит их шеф повара Вахо, давно надёжного грузина, сообразить что-нибудь мясное. А вместе с ним намеченное меню, оно будет выглядеть просто шикарно: корзина, фрукты, шашлык, скорей всего на шампурах и пару бутылочек грузинского вина, чтоб Зарине не было скучно.

И довольный собою, прорисовав последние штрихи, он зачем-то повернулся к жене и мягко положил свою руку на её бедро.

„Милая ты моя”, - получилось-сказало его движение.

Вот только ответа взаимного он совсем не ждал, хотел наоборот, покупаться в своих предвкушениях. А выходило немножко ни то...

Сначала, он почувствовал её лёгкое жеманистое потягивание, этакое сладкое пробуждение, приходящее от мирка ночных забвений к мирам реальности. За ними проскользнули, фантазии”... а пока ещё мысли на расстоянии, конечно, пожелали почувствовать негу, от близко лежащего тела. А потому, его Лариса

нежненько промурчала, потянулась, и уже с открывающимися глазами повернулась к нему. Теперь она смотрела на него и глаза её откровенно спрашивали: „Ты правда этого хочешь?“. И он не посмел сказать ей: „Нет“. Да и как(!?), когда она никогда его об этом не спрашивала. Она просто начинала целовать его, как будто брала в охапку.

Как и сейчас, он подыграл ей, улыбнулся, будто первым желает её... и в него, в его подготовившийся к поцелуям рот, ненавязчиво влизываясь, вошли её тонкие губы.

Её первый поцелуй, как обычно, был относительно мягким и прощупывающим, но когда она без сомнений чувствовала, что он отвечает ей тем же, она уже не стеснялась. Она, съела бы его без всякой соли"...

И так нередко начиналось его утро. Под ночь, уже оба уставшие, — от ежедневных ресторанных проблем и от собственных шероховатостей по дому, да плюс от трёхлетней дочери, способной их самих усыпить, пока они усыпляют её, — они редко занимались любовью ночью. А утро, пока дочурка спала, было чуть ли не единственным их временем, когда они могли бы, заняться собою любимыми". Здесь уж его Лариса, отрывалась по полной". И он позволял ей буквально всё. Он понимал её и осознанно соглашался: он её единственный самец, а женщина давно уже стала, ягодкой опять".

Первый брак её не удался и сын от этого брака теперь учился в Австралии. Потом одиночество: долгое-долгое время. И вдруг долгожданно появился он. Молодой, высокий, со светлой причёской, мужское карэ', и уделивший спорту немало времени, он прекрасно видел и чувствовал эту женскую долгожданность. А потому подыграно и встал перед нею, во всём своём оружии". Оттого и повелось у них, что чаще всего, его, хотела" она. И, если раньше ему это нравилось, то теперь, он рассматривал их, взаимность", тем метко сказанным словом, — супружеский долг. Хотя этим утром, смешно чувствуя себя заранее виноватым, он и сам, пожелал перепрыгнуть давно поставленную планку". Этим утром, он будет для неё, на высоте", чтоб весь день парила и царила, пока он будет, занят на работе".

Он начал ненавязчиво сдерживать её такое резвое желание, так быстро, сожрать его". Он взялся дразнить её своим, набухжим" и при этом страстно-сильно целовать, как будто высох без воды, и припал своими глотающими губами, к наклонённому кувшину с водою.

И Евгений Викторович не ошибся. Его такое любимое созвучие, когда имя и отчество произносились вместе и обязательно подобающе послушно, его не подвело. Его, желанная Лариса", пока принимала душ и одевалась в домашнее

спортивное, ещё не раз прильнула к нему своими благодарными чмок-чмоками. Ей явно хотелось такого же повтора, но их дочурка уже щебетала в своей кроватке, с его мобильным. И он назвал бы это утро прекрасно начавшейся зарёю: его Ларисонька довольна и порхает, его дочурка Ксюша ещё долго провозится с его мобильным, а он, Евгений Викторович, одетый и наглаженный соответственно, уже готов пойти навстречу, своему тщательно скрываемому счастью.

Дай бог так каждому, каким он чувствует себя...

ТЫ ОБИДЕЛ МЕНЯ

,Так. Надоело!". — Сначала подумала она и, откинувшись на спинку офисного стула, апатично посмотрела на включённый на столе монитор. Сплошные цифры.

— Да сколько можно!? — почти вслух, заступорило её, на этом обычном житейском вопросе. Но, словно нашедшая ответ, она повернулась и посмотрела на своих девчонок.

Её сотрудницы, её помощницы, они сидели, как полагается рядом, и тоже что-то упорно искали в своих включённых мониторах. Только сейчас, их присутствие рядом, ей тоже показалось никчемно затянувшейся рутинной:

— Так, девчонки, что у нас сегодня, пятница!? — уловив, что её мысли начали работать в другом направлении, для них озадаченно, спросила она.

А то ли она спросила, или утверждала, им стало непонятно. Отчего и получилось, что посмотрев на свою начальницу, с каким-то несоображением, они вместе, в унисон ответили:

— Ну да-а, пятница.

— Пятница-пятница, — словесно заклинило её, а мысли побежали дальше, наперегонки, с забарабанившим по столу маникюром. Но эти гонки быстро закончились и она спросила следующее. — Когда вы меня просите, я вас отпускаю!?

— Ну да, — опять озадаченно и послушно пробубнили её девчонки.

— Вот! — Сразу довольным стал её голос. Она мыслила правильно, оттого и улыбнулась ещё раз, по другому взглянув на своих помощниц. — Надоели вы мне, уйду я от вас... Отпустите!?

— Да вы что такое говорите, Лариса Львовна, — ласкающим котёнком, проговорила её помощница Вика, без года неделя вчерашняя студентка, но девочка опрятная и исполнительная.

— Вы нас пугаете, Лариса Львовна, — честно созналась вторая её помощница, уже давно взвалившая на себя все подсчёты по закупке продуктов в ресторан.

— А что я вас пугаю? Когда вам надо, я вас отпускаю и прикрываю. Так!? Факт. Значит, и вы меня сейчас отпустите... и при-кро-е-те, — игривым тоном закончила их начальница, женщина не злая, не заносчивая и, словно их вторая мама.

— Вы, как обычно, шутите, — порою до нельзя наивная, тоже улыбнулась её Вика и также наивно милостиво добавила-разрешила. — Ну конечно, мы вас отпускаем.

— Но учтите, сегодня пятница, завтра суббота, в воскресенье наш законный с вами выходной и встречаемся мы с вами, аж в понедельник. Идёт!? — посмотрела она на другую свою помощницу, уже женщину более менее сформировавшуюся, замуж неудачно вышедшую, и родившая, своему сбежавшему' сына.

И ей спокойно, с уважительной улыбкой ответили:

— Лариса Львовна, всё сделаем. Вы же нас знаете: будь готов — всегда готовы.

И уже не желающая услышать что-то другое, она просто, как на духу, созналась:

— Что-то, правда, устала. Ждёшь этот единственный выходной, а он, как звезда с неба, вспыхнул и пропал. Как начнёшь с чем-нибудь возиться, так считай на целый день. А в понедельник опять и на целую неделю... эти цифры, цифры... сгори они огнём. Но ничего не

поделаешь. Мы же не Софи Лорен, — она натянуто улыбнулась, она вовсе не плачется и специально закончила шуткой. — Собачек и котятков жалеть не умеем. Нам бабам цифры подавай... и побольше, побольше, чтоб аж мозги в компьютерах свихнулись.

Девчонкам тоже понравилась шутливость их начальницы и они, вообще уж благосклонно, как благословили её:

— Да конечно поезжайте, Лариса Львовна. Завтра и сегодня мы всё тут сделаем.

— Тогда всё! Я всё сказала и быстро исчезаю, — с задором проговорила она и первым делом, перебросив курсир на мониторе, она щёлкнула по программе, выключить”.

Теперь её настроение переключилось на другой ритм. Мысли-иллюзии, мысли-оптимисты, — это-же совсем другое дело, чем нежелание даже видеть себя в зеркале. А тут, непонятно откуда, и из каких таких резервов, появляется бодрость и ты уже не вяло плетёшься, лишь бы дойти до чего-то, а с каким-то подплясывающим задором. И пусть она воочию не видела всех этих физиологических процессов, ей это может ни к чему, но закрыв дверь своего кабинета с другой стороны и прежде ещё раз сказав девчонкам, Пока, не скучайте”, именно эту переменчивость Лариса Львовна в себе и

почувствовала. Мозги заработали, как отличные часики’.

Её, когда-то гимнастические ножки, с классическим размером 37–38, они уже знали куда идут и её округлые бёдрышки им озорливо подыгрывали. Любой грузин бы ей сказал, а за ним и другие: „Ах, Лариса Львовна, в ваши сорок восемь, вы ни то, что ягодка, вы только ещё её цветочек’.

И надо отдать ей должное: женщина, родившая двоих детей, так прекрасно и приятно выглядит. Глаза и веки без морщин, чистейшая брюнетка, что не надо даже краситься. Причёска с волосами до плеч, а её повседневно ухоженные руки, каждый раз излучали игру каких-то красивых движений, в которых не было фразы: „Яблоко, дура(!), возьми!’.

И их Вахо, их рекомендованный её братом повар грузин, который ни разу не был в Грузии и интеллигентно родился в Москве, и к которому, она сейчас пришла на кухню, он и подчёркивал ей каждый раз:

— Ах, здравствуйте-здравствуйте, Лариса Львовна. Улыбку на лице, я вижу. Вашу к ней красоту, я вижу, и даже, если мои руки пахнут овощами, я всё равно хочу поцеловать вашу ручку. Прелесть ручку, ангелочки пальчики.

И ей, как женщине, конечно же, было приятно. Отчего, она также игриво, как и он,

отдавала ему свою ладонь и пыталась при этом над чем-нибудь пошутить. И ей нужна была эта шутка, иначе она не смогла бы скрыть того, что чувствует и видит.

Он нежно брал её руку в свою тёплую мясистую ладонь, недолгим взглядом окутывал её, словно видит всё её тело и с трепетным обожанием прикосался губами, к её ожидающей поцелуя ладони. Всё это происходило быстро, естественно при встрече, у других людей на глазах выглядело игриво и с прибаутками, но её же не обманешь: есть тёплые поцелуи и отдающие трепетом, а есть и холодные, заранее предполагающие какую-нибудь формальность. Его же поцелуи были тёплыми. А останься они одни, он завладел бы ею не раздумывая. Но этого нет и не было. И ей кажется, что быть не может: „Не надо! Зачем!? Она лучше лишний раз на эту кухню не зайдёт”.

И также сейчас, снова отшутившись друг от друга, и приняв серьёзное выражение лица, она, незаметно стесняясь, попросила:

— Вахо, сделай мне сегодня доброе дело.

— Лариса Львовна! — Рыцарем всех времён и народов сразу вострепнулся он. — Что нужно?

— Хочу с семьёй уехать на выходные. Устала.

— А лето какое, Лариса Львовна. Вы всё правильно сделаете, — по-грузински умело, будто встретил свою гостью, поддержал её Вахо.

— Сделаешь мне что-нибудь, на двоих взрослых и для ребёнка. Что-нибудь днём перекусить и вечером, чтоб у костра посидеть. Сделаешь? А я утром заеду, или Женя может заедет, и заберём.

— Всё сделаю, Лариса Львовна. К обеду вам приготовлю, в контейнеры расфасую. А мясо замариную и тоже в контейнер. Сделаю курицу и свинину, чтоб было помягче.

— Да. Хорошо. Спасибо тебе.

И их шеф-повар Вахо, также обворожительно, опять улыбнулся ей и перешёл на ласкающий тон:

— Лариса Львовна, не надо спасибо, Мне и так хорошо, что мы с вами любим друг друга.

И она тоже ему улыбнулась:

— Ты не исправим.

— А зачем(!?), Лариса Львовна. Я ваш и навечно. И ещё раз целую вас, целую и целую. Я всё сделаю, не переживайте. Вам же, приятно отдохнуть.

— Ладно, хорошо. Давай, пока. Не утруждайся слишком, — и благодарно улыбнувшись уже напоследок, она пошла на выход. При этом спиной чувствуя, что Вахо восхищённо пронизывающе и с определённой страстью смотрит ей вслед.

Уже давно переваливший за полдень день был по-июльски солнечным и жарким. В такие дни,

сама погода говорит и спрашивает у людей: „Что вы забыли в этой массе машин и подплавленного солнцем асфальта!? Бегите, люди! Бегите туда, где солнце, воздух и вода”. И вышедшая из ресторана Лариса, одетая во всё белое и по хлопковому лёгкое, она уже определённо себе наметила: в эти вдруг прорвавшиеся к ней выходные, она поедет завтра с Женей на их участок, в Завидово, в этот тихий и огромный заповедник, где будет просто наслаждаться его природной тишиной. Вода!? Пожалуйста! Сразу за их участком находится огромный пруд. Выходи и купайся. Свежий воздух!? А что может быть свежее, за сто километров от Москвы, в той огромной лесной массе, где к тому же, она с удовольствием пойдёт за ягодами и за грибами. Как ходила когда-то, со своей любимой и покойной бабушкой. Ну, а солнце, его сейчас, хоть отбавляй. Только успевай и убегай, из этой чокнутой и на деньгах помешанной Москвы. Как и этот их ресторан, который никуда от них не денется и в который затащил их однажды, её и Женю, её ни меньше чокнутый брат. Кажется уже всю Москву заполонивший своими ресторанами. Хотя на самом деле, она, конечно же, была благодарна своему брату. Долго не общались, долго не разговаривали, поругавшись, как часто бывает, из-за какого-то пустяка, но он первым пришёл к ней однажды и мило как-то сказал: „Хорош, сестрёнка,

обижаться. Завтра принимаешь ресторан, Кавказская пленница’“. Мой первый ресторан, заметь. Сама возглавишь бухгалтерию, а своего молодого обалдуя поставишь директором. Поэтому, давай, извинимся друг перед другом. Одни мы с тобой остались родственные души... ну и полный вперед”.

А пообещав подумать, чтоб не с бухты-барухты, и без вычурности довольная, что они помирились, она, конечно же, дала ему согласие, затем с большим удовольствием взявшись за что-то близкое ей и родное. И с Женей этот момент особо тоже не обсуждался.

Парень занимался всякой ерундой и чаще бывал обманутым. А тут серьезная работа, хорошие деньги и она его просто поставила перед фактом:

— Завтра пойдёшь и начнёшь вникать во всё, что нужно...

И Женя, естественно, обрадовался, а для неё приятно спросил:

— А как же ты, ведь ты беременна?

Но она мило ему улыбнулась:

— Разберёмся...

И ещё через день, она уже вошла в её ресторан, его внегласной хозяйкой.

Без особых трудностей, доехав на машине до дома, что подарил ей брат на её день рождения, она поднялась на лифте на свой этаж и открыла

входную дверь своими ключами.

— Ура-а! Мама... мама пришла, — завизжав от восторга, к ней навстречу выскочила дочурка и принялась, по-детски счастливая, обнимать её.

Следом за нею, и так рано явно её не ожидающая, вышла пожилых лет женщина. Её волосы были коротко стриженными, местами заметно поседевшими, но они до сих пор не утратили свою вьющуюся пышность. А её маленькие глаза, уже задетые глубокими морщинами, кажется всю жизнь смотрели на людей, с неким послушанием и добротой. И когда Лариса, — а она разрешила этой женщине так себя называть, при этом сама обращаясь к ней с отчеством, — увидела эту женщину на пороге своей квартиры и услышала её первые слова, прозвучавшие мягким материнским тоном, то она сразу почувствовала, что именно эта женщина станет няней её дочурке.

И так оно и получилось: интуицией, или сердцем подсказанное, её не подвело. В этом доме, доверять что-то, она могла теперь только этой женщине. Ей просто в этом плане повезло.

— А ты, что так рано? Мы ещё и спать не ложились, — и обрадованно, и удивлённо спросила эта женщина.

— А вот так вот, не ждали, да! — отпуская дочурку, из своих опустившихся к ней рук, с

задором ответила Лариса. — Их не ждали, а они пришли.

— Ждали-ждали, мамочка. Можешь не притворяться, — вместо няни заголосила дочурка.

И на душе у неё, будто появились крылья. Что ещё человеку нужно, когда он видит счастливых и дорогих его сердцу людей.

— Отпросилась с работы. Устала что-то, надоело. Весь день хочу дома побыть и ничего не делать. Разрешаете!?

— Разрешаем-разрешаем, — опять залопотала её дочурка и озорливо-серьёзно добавила. — Мы с няней уже покушали, а теперь ты должна пойти и покушать.

— Покушаю, моя сладкая, обязательно покушаю. Дай только маме немножко посидеть и отдохнуть.

— Разрешаю! Но только не долго.

И улыбка опять неудержалась на её лице:

— Слушаюсь, моя хорошая. Немножко отдохну и... кушать!

Она прошла в большую комнату, села, как с удовольствием свалилась на диван, и жестом руки пригласила няню посидеть рядом с нею.

— У вас как, нормально всё? — когда женщина тихо присела на рядом стоящее кресло, из вежливости спросила она.

— А что у нас, — мягко и тепло отозвались

ей. — Или прыгаем и скачем, или мышками сидим... бормочем со своими куклами. Хотела уже спать её положить, и ты как раз пришла.

— Вы не волнуйтесь, я сама. Если у вас есть какие-то свои дела, то я вас отпускаю. И хотела бы попросить вас. Мы с Женей завтра уедем, вы останетесь одни. Мы приедем только в воскресенье вечером. Вы сможете у нас остаться?

— Да, конечно, смогу. А вы поезжайте, жара вон какая стоит. То сплошные дожди два дня, то вон какое пекло сразу. Лишний раз на улицу не выйдешь. Так что поезжайте непременно, а за нас даже и не волнуйся.

— Да я бы может и с собой её взяла, даже так и думала сначала. Но дом, это дом, а природа, это природа. А как подумаешь, что там эти змеи, комары, а за Ксюшкой, сами же видите. Тут сто глаз нужно, и то, не уследишь.

— Нет-нет, всё правильно. Я тоже была бы против, чтоб вы брали её с собой. Подрастёт когда, другое дело. Но не сейчас. Да ещё в это Подмоскovie... А вы взрослые, вы поезжайте.

— Вы тогда с субботы на воскресенье останетесь у нас, а за воскресенье я вам отдельно оплачу. — Ну перестань, Ларис, что ты в самом деле. С моими

„болячками“ где б я ещё такую работу нашла. Всё хорошо, не надо мне никаких доплат.

— А я говорю вам: надо! И не спорьте со мной. Завтра я дам вам деньги и плюс оставлю, чтоб вы куда-нибудь сходили, или съездили. Сами придумаете что-нибудь. В парк пойдёте, погуляете, в кафе какое-нибудь зайдёте. Дома, чтоб не торчать два этих дня.

— Хорошо, я поняла. Тогда я завтра пораньше приду.

— Да. Я тоже думаю пораньше надо... чтоб пробок ещё особо не было, проскочим по быстрому. Да и чучундрик наш, ещё ни свет, ни заря соскочит. Хоть и выходной будет, а поспать ведь всё равно не даст.

— Дети, что тут скажешь. Ложатся рано. Рано и встают... Ну тогда я пошла, мешать тебе не буду, — вставая с кресла, стеснительно и предусмотрительно, засобиравлась женщина.

— Нет, если хотите, посидите ещё. Чаю попьём.

— Нет, не надо. Ты так меня разбалуешь. Да и всё равно домой идти. Дома и напьюсь. А завтра к половине восьмого, ни в девять, я подъеду.

— Всё, договорились, — уже провожающими словами, благодарно произнесла Лариса.

Всё двигалось к хорошим выходным, а те далёкие отголоски, её когда-то одиноких отчаяний, давно уже ушли и канули куда-то. Не с ней всё это было, или может Судьба так желала, чтоб сначала,

она почувствовала всё плохое, насытилась им, как следует, а потом уже, ей открыли другую калитку”.

„Иди, красавица, и радуйся жизни. Вот тебе муж хороший. Люби его. И вот тебе дочь, такая же красавица, как ты. А о деньгах не думай, — это не твоя печаль”.

Её затея с выходными, ей нравилась всё больше и больше. Будь её воля и дай ей волшебную палочку, она прямо сейчас посадила бы Женю за руль машины и вторым её взмахом сразу оказалась бы на их участке. И пусть там не было особых домашних условий, они ещё только планировали построить там свой дом, но само место ей нравилось и она с удовольствием прокоротает там свою когда-нибудь неизбежную старость. А сейчас, волшебной палочки у неё не было, Жени тоже дома не было, он опять застрял в ресторане со своими рабочими проблемами, но то, что они завтра едут в деревню, она ему уже сообщила. Хотя, как ей показалось, он был не в восторге от её идеи и даже неуместно переспросил:

— Ты хочешь поехать в деревню? А как же завтра работа!?

И ей пришлось немножко встрепенуться-понервничать:

— Женя! Я устала, понимаешь!?! Я просто хочу отдохнуть. И не в злосчастное воскресенье и дома торчать, или по торговым центрам

прогуливаться, на других смотреть и себя показывать. А выехать из Москвы и просто, ничего не делая, о-от-дох-нуть! Или что, я многого прошу, а ты не можешь меня поддержать.

— Я понял, Лариса. Ты только не шуми. Нормально всё будет, поедем. Я тоже в конце-концов устал.

И только эти маленькие трения чуть-чуть подпортили ей настроение. Отчего и пришлось немножко показать свое, Я’.

Я ВЛЮБЛЁН

Это субботнее утро и на самом деле началось мягко солнечно. Небо голубое и чистое, горизонт чётко давал понять, что солнцу расправить свои лучи, никто не помешает. И, как сказала Лариса: „Ты посмотри, какие дни стоят!”, то так, скорей всего, оно и будет. Хотя, он ждал и наивно просил, чтоб примчались большие дожди. Даже в интернет вчера залез, после её непредполагаемого звонка, но там, согласно законам подлости, везде обозначилось +32. А самым обидным было то, что он пообещал Зарине, завтра увидеться с нею. Однако, теперь получалось, что он должен отключить свой мобильный уже от неё, чтоб не было никаких осечек.

И от всех этих обстоятельств, он, естественно,

был огорчён. А Лариса, наоборот, как себе в угодую и ему назло, только и успевала раздавать указания:

— Так, Жень, — едва они сели в машину и выехали со двора, начала она. — Сейчас заедем в ресторан. Вахо нам должен был приготовить мясо и, что там ещё. Потом по дороге остановимся и докупим ещё, что нужно.

— Так и сделаем, — будто ни к чему не привязанный, ответил он ей.

Не сдержался, не спрятал своего нулевого настроения и она мгновенно почувствовала это:

— Ты что без настроения.!? Не хочешь ехать, так не едь! Я сама поеду!

— Да при чём здесь это!? — ещё раз не удержался он. И чувствуя, что проигрывает, он оправдательно — не оправдательно выкрутился. — Спал что-то плохо, все эти неурядицы из головы не вылазили.

— Да оставь ты их! В понедельник я брату позвоню и пусть решает. Что ты один выкручиваешься, больше всех что ли надо.

— Ну да, согласен, — теперь уже деловито и задумчиво подыграл он ей.

И на этой же задумчивой волне, понеслись под колёсами машины дорожные километры.

Солнце догоняло их в спину и отражалось в зеркале заднего вида. Само Ленинградское шоссе было на удивление свободным, а Лариса, устав

смотреть на дорогу, привычно уснула-отрубилась. И он с огромным удовольствием, будто в чём-то лучезарном купаясь, окунулся во вчерашний вечер: это страсть была и, бешенство".

Он опять провожал Зарину домой. Она загадочно попросила его заехать куда-нибудь. Он не понял и переспросил: „В смысле куда заехать?". И она, его игривая заря", легко коснувшись его волос, будто омыла их чем-то целительным, капризеньким ребёнком, которого наивно не могут понять, приятненько ему промурлыкала: „Ну куда-нибудь, Жень. Ку-да ни-будь".

И получалось так, что она сама уводила его к себе, а он, действительно, как мальчишка наивный, только сидит за рулём и озабоченно думает: „Куда бы её отвезти, чтоб не только проводить до дома". А пока он ехал, куда-нибудь", то едва не сгорел от, обжигающих его предчувствий".

Но и это было ещё ни всё. Он выехал на МКАД и остановился на пустой обочине. Уже оба нетерпеливые, они пересели на заднее сиденье и он распахнул её одежды, зацеловал её тело, как сам того хотел, и едва почувствовавший её внутреннее тепло, как это в неудобстве получалось, он вдруг услышал от неё одно с ума сводящее слово, сказанное тёплым шёпотом ему на ухо: Нет ни сюда... пониже". И он, действительно, сошёл с ума". Девчонка просила его, Туда. Пониже".

Только это было вчера. В его безумном вчера. А сейчас, он внимательно смотрел на дорогу. Внимательно, или автоматически, он не понимал, он не задумывался и все его мысли крутились вокруг Зарины:

,Откуда(!?), с каких таких гор, свалилась на него эта девчонка. Мечта-девчонка и, будто с ним играющая, котёнком маленьким. По настоящему не кусает, а пробуя, прикусывает. Когтей своих не распускает, их нет у неё, но ноготками своими, игриво цепляется за его мужские руки. И получается так, что она самый милый его котёнок, и она не обманет его. Он хочет с нею быть всё больше и больше, а куда его несёт эта дорога, он теперь понять не может. Как и не сможет и не хочет расстаться с Ларисой. Здесь, он не выиграет ничего. Скорее вылетит в трубу, как искорка из топки. А это будет очень даже малоутешительным, если она скажет ему: „Уходи!“

И он запутался окончательно. Он смотрел вперёд, на дорогу, но ничего особенного в ней не видел, как и не мог увидеть свой завтрашний день. Он даже заглянуть в него не мог, как и не мог предположить, что будет за этим поворотом...

Он включил сигнал направо и сделал этот поворот. Но ничего особенного, как и три дня назад, он здесь не нашёл и не увидел. Лишь дорога стала ухабистой и лес вплотную приблизился к

обочине. Хотя именно три дня назад, его мысли и ощущения, на этом же самом месте, крутились совсем в другом направлении. Ведь они были вдвоём, был только он и его, заря лучистая”, и они были бесконечно счастливы, что так удачно убежали от дождя. Убежали вдвоём, она была ему послушной и он вёз-увозил её на свой безлюдный участок.

Правда, сначала, ему казалось, что этот внезапный дождь, им всё испортил. Как всё продумавший и рассчитавший, он привёз Зарину на Московское море, где практически не было празднующих, а взору открывался красивый пейзажный вид.

Вода, широко расплывшись у их берега, манила их своей прохладой. Деревья скрывали и прятали, трава успела вырасти по пояс и заградила их от глаз не нужных, а когда его секс-девчонка вышла к накрываемому им импровизированному столу, он не ошибся в своих ожиданиях, до этого всего лишь частями предполагающих, что может скрываться под её одеждой. А тут он увидел её и его же предчувствия, словно облили его ледяной водою, способной встряхнуть любого. Он видел все её детали, желал нетерпеливо, но всё испортил на самом интересном, тот с ветром примчавшийся дождь. А он уже не мог остановиться. И, что ещё неожиданнее, он придумал вариант спасения.

— Садись, поехали, — и смеющийся над прилетевшим дождём, и огорчённый до самых резких оскорблений, он быстро уложил все разложенные на траве продукты и загадочно ей подмигнул. — Я знаю, где мы спрячемся.

А дальше видели только боги, как блаженно они укрылись”, от всюю расхлеставшегося дождя.

И только сейчас, то поглядывая на дорогу, то смеясь и мельком на Ларису, он ещё раз протеребил себя: всё ли он убрал за собою(!?), не осталось ли чего-нибудь(!?), что подвело бы его перед ней. Отчего и ехать не хотелось, словно запах их скрываемой любви ещё не улетучился.

Машину слегка встряхнуло на бугре, на последнем повороте перед их деревней.

— А!? Что?! — сквозь сон уловившая эту встряску, проснулась Лариса. А осмотревшись по сторонам, она сама себе добавила. — Что... всё... приехали.

— Приехали. Домчались, как по заказу. Считаю, что нам повезло, — приветливым голосом отреагировал он на её пробуждение. Ругаться, с прижатым хвостом” ему не хотелось.

И по прежнему опасаясь малейшего подвоха, с оплошностью со своей стороны, он первым прошёл через фасадный двор и взял ключ от дома, где он его обычно прятал.

— Да ты бы сумки вытащил, что ты сразу в

дом-то пошёл, — услышал он сзади.

Но он уже открывал висячий замок, и всё ещё боязливо, желая увидеть всё первым, словно и на самом деле боялся увидеть Зарину, он вынужденно вежливо отбрехнулся:

— Ларис, сейчас занесём, что ты так волнуешься в самом деле. Посмотреть хочу, всё ли в доме в порядке.

— Да что там может быть, — где-то поверившая его словам, уже в половину голоса отмахнулась она.

— Да мало ли что, считай с весны здесь не были, — умело спрятал он свою боязливость и, как сам того желал, первым увидел, что зря переживает.

Всегда раздвинутый диван ничем не изменился, а постеленный плед молчал, как язык отрезал. Стол тоже стоял и молчал. Шифоньер остался таким же старым и неприкосновенным, потому что с Зариной, они даже не открывали его. А вот соломенная шляпа, будто спрятавшаяся за столом, и с которой баловалась Зарина, она осталась забытой на стуле. А должна была висеть на стене, как это делает всегда Лариса. И пока она не вошла, он быстро повесил шляпу обратно на место, на вбитый в стену гвоздь.

— Ух, — довольный выдохнул он и успокоился: запах его страстной любви отсутствовал.

— Ну что, в порядке всё? — сама увидевшая, что всё в порядке, и оттого язвительно, что поверила его выдвинутым опасениям, вставила сзади Лариса.

Но Евгений был больше доволен, что вовремя заметил шляпу и вернул её на место, чем обращал бы внимание на всякие реплики жены.

— Да... нормально всё, — продолжая и дальше осматриваться, спокойно ответил он.

— Вещи занеси в дом, — показала своим тоном Лариса, что всё-таки была права.

— Да... занесу, — уже окончательно успокоившийся, спокойно отреагировал он и вышел из дома.

Он вышел из дома, очень внимательно посмотрел под ноги, спускаясь с шатающегося и кем-то сколоченного крыльца, — вокруг водились змеи — и краем глаза взглянув на соседскую территорию, опять увидел своего странного соседа. Этот странный сосед, он, кажется, как всегда, опять стоял под спустившими ветви берёзами и зачем-то смотрел на дорогу, словно ждал кого-то.

Чудаковатым был этот сосед. Тёмно-зелёные брюки: парадные, от пограничной формы, с узкой красной полоской по бокам. А к ним, никак некстати, резиновые сапоги и замызганная серая куртка-спецодежда. И он, как-то разговаривал с ним, в том году, когда они ещё только купили этот

участок и дом, разделённый на двух хозяев, но разговор их получился настолько странным, что он сразу определил для себя: этот человек больной на голову. И больше, лишь иногда случалось, он с ним не общался, за исключением очень редкого, когда молча пройти он уже не мог. Хотя и эти фразы были очень скудными: „Сосед, привет! Как поживаешь?“. И это больше выглядело, как насмешка. Что и подтверждал ему этот чудак. Он зачем-то, втыкал в землю свои глаза и что-то начинал бормотать, глядя на свои резиновые сапоги.

Хотя сейчас, этот самый сосед, он откровенно удивил его.

Он с подбадривающей насмешкой крикнул ему:

— Привет, сосед!

И тот неожиданно отреагировал, подняв довольным руку. Даже улыбаться начал: „О-о, привет!“. И Евгений скрытно засмеялся, как могут засмеяться люди, увидевшие ещё одну странную необъяснимость: „Странный больной вдруг начал странно выздоравливать“.

ТЫ ОБИДЕЛ МЕНЯ

Всё складывалось хорошо и местами неплохо. Хорошо, это то, что она ничуть не жалела, что

вырвалась из Москвы. Ей даже представлять не хотелось, как там парятся сейчас девчонки, и ещё не исключено, что с ироничной завистью поглядывают на её выключенный монитор. Её нет, и она уже отдыхает. И хорошо отдыхает, для развлечения души, когда никаких шумных банкетов не надо, где нужно только пить и любезничать.

Она сходила с Женей за грибами, радовалась им, как большой ребёнок, когда идёшь и высматриваешь, а он вдруг раз, и вот он: беленький, маленький и без малейшего намёка на червивость. А два предыдущих дня, те разгулявшиеся дожди, со своей задачей справились: их корзина была почти полной. А местами неплохо, так это то, что Женя временами даже начинал бесить её, будто приехал сюда, из под палки". Что-то ходил серьёзный и хмурый, с одолжением разговаривал, и нет, чтобы помочь ей перебрать грибы, ушёл на пруд порыбачить. Он просто взял и оставил её одну.

Но разделавшаяся с грибами, она придумала себе следующее развлечение: она наденет сейчас купальник, шляпку свою соломенную, сапоги резиновые, — будь не ладны эти змеи, но безопасность превыше всего, — и тоже пойдёт на пруд. Женя пусть ловит свою рыбу, а она искупается и будет загорать. А там и намеченный шашлык под водочку, уже будет не за горами. Ведь день всё равно уже начинает близиться к концу.

Она сняла свой спортивный костюм, надела купальник, шляпку свою соломенную сняла со стены и уже не могла не полюбоваться на своё зеркальное отображение. Дамочка в шляпке, заигрывающие и манящие глаза, женские плечики, туда-сюда в поворотах, но едва взглянув на свой дряблый живот и обхватами пальцев общупав его, как что-то не- принимаемое ею, она опять впечатлительно расстроилась и больше не хотела собой любоваться. От зеркала отошла: «Таким дряблым животом мужиков, — а именно, конечно же Женю, ею противного иногда, — надолго не заманишь... хотя хотелось бы ещё подёргаться».

ОТСТУПЛЕНИЕ: СТРАННЫЙ СОСЕД

«Опять приехали», - едва увидев их, — подъехавших на машине, из своего заколоченного окна, в котором только малюсенькая форточка была без стекла и не заколоченной, — сразу заметался он, по своему убогому жилищу.

Одна комната. Всегда включенный свет. И он настолько был тусклым и грязным, что человек вошедший с улицы, едва различал бы предметы, убранства», что были в этой провонявшейся насквозь комнате. Глазам сначала нужно было привыкнуть и только потом они увидели бы детали.

Кровать стоит у стены и на ней напрочь

отсутствует понятие, постель''. Что принадлежало бы к этому слову, вообще, на ней не лежало. Матраса даже не было, пусть хоть и грязного и вонючего. На эту кровать, плоской горою, были просто навалены всякие зимние вещи, уже насквозь впитавшие в себя всю затхлую сырость комнаты. А рядом с кроватью стоял страшнейший антикварный шифоньер, не имеющий ни одной уцелевшей двери. И всё наваленное и впихнутое в него барахло умолиительно просилось наружу. Одни только старые советские книги, всюду попадающиеся на глаза, на удивление подсказывали, что обитатель этого жилища, в этом мрачном свете, ещё и умудряется что-то читать.

Теперь же ему было не до чтения. Он следил, он сопел и глаз не мог оторвать от, своей Зарины''. Сейчас он плохо видел черты её лица, она была не так близко к нему, его глаза его подводили, он плохо видел, если далеко, но каким ещё раз будет его блаженство, когда он снова увидит её вблизи.

Тот день и вечер, он никак уже не забудет. День, когда она стояла у свалившегося забора, в купальнике и в шляпке, и увлечённо срывала с кустов ягоды смородины. А он не мог удержаться и подкрался к ней с другой стороны забора. Трясся, как неудержимый, дышал-сопел, ёрзал по мокрой после дождя траве, видя её полуобнаженное тело, и хотел было подкрасться к ней ещё поближе, но она

уловила его присутствие и, что самое приятное, она не стала кричать, как оскорблённая, а красиво улыбающаяся спросила:

— А что это вы там делаете?

И будто пойманный за руку, виноватый, смутившийся, он что-то начал искать у себя под ногами, но потом, странным образом, вдруг почувствовал, что эта молодая и красивая женщина, может с ним поговорить. Только он должен сначала её обмануть:

— Да так... хожу вот, — и чтоб убедить её в этом, он побросал свои взгляды по разбушевавшейся, после дождя, траве. Только ничего интересного в ней не нашёл, и оттого опять смутился. Обмануть никак не получалось.

А она не разозлилась, презрительно не высказалась, хотя именно этого он всё ещё ждал от неё. Она лишь опять улыбнулась ему и мило назвала своё имя:

— А меня Зарина зовут. А вас как(?), ведь вы же здесь живёте?

— О-о, да-а, у меня с другой стороны крыльцо. Я давно здесь живу.

И уже почувствовавший, что его ругать никто не собирается, он осмелился открыто посмотреть на свою, пока ещё незнакомку. И кажется, он едва не умер прямо там же, потому что женщины, смотрящие на него с фотографий журналов, сейчас

стали полной чепухой. Изображение, да и только. А старые тётки и девки помоложе, что каждый раз выходили из подъехавшего к остановке автобуса, они были не так сногшибательны, в своих повседневных нарядах. Только и знают, что прут свои авоськи. А тут! В трёх метрах от него, стоит живая девушка, в только защищающем её купальнике. В купальнике и в шляпке. И он видит её. Живую видит. Она вот она! Грудь её женская. Живая, белая, едва ли не выпадающая из купальника. Он же видит её. Она вот она! А живот, а ноги...

Однако, она почему-то ещё раз улыбнулась и, мягко разворачиваясь от него, сказала:

— Ладно, мистер, да так''... я пойду.

А он опять остался один. Смотрел, как она уходит. Опять едва не умер. Ещё хотел бы полюбоваться. Но вокруг опять стало грустно и он, как вспыхнувший, но погасший, поплёлся обратно в свою, конуру". И кажется, что никто и никогда, так ласково с ним не разговаривал.

Но всё безумие, что было потом, началось уже поздним вечером. Он лежал на кровати, на своей горе барахла, и он не мог притвориться, что спокойно может лежать и читать, он чувствовал и улавливал её присутствие, он даже слышал через стену её звонкий и залиvistый смех... и вдруг, в наставшую тишину ворвались её женские стоны.

Однозначные стоны. Стоны обнажённого блаженства, просящие: „Ещё и ещё!". И он уже не смог удержать себя.

Обезумевший от близости своих вожелений, с глазами ничего не соображающими, он соскочил с кровати, выбежал-вырвался из комнаты в малюсенький коридорчик-тамбур и, словно шустрый суслик, но хрюкающий и сопящий, он спрыгнул вниз, с местами разобранного пола, спрыгнул, чтобы быстро залезть в земельный подпол. В свою своеобразную туалетную дыру.

От земли сильно пахнуло мочой. Но он не удивился. Здесь удивляться было нечему. Это был его мочевого туалет, он редко утруждал себя выходом на улицу, особенно зимой, а потому и вырвал несколько досок, для исполнения своих потребностей. И этот запах ни только не отпугнул его, он ещё и лёг на землю, чтобы стало возможным по ней проползти. Проползти на вторую половину дома, поближе к ней, к своей", почти обнажённой Зарине. И как же он тогда хотел, чтоб в досках на полу, что так коварно разделяли их, была хоть какая-нибудь маленькая дырочка.

„Дырочка... дырочка", - ёрзал и умолялся он. Только там её не оказалось, как бы возбуждённо он её не искал.

А потом всё утихло и... как же он тогда жалел, что почему-то забыл сказать ей своё имя.